

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Харсиев Борис Магомет-Гиреевич

канд. филос. наук, директор

Современная Гуманитарная Академия

г. Малгобек, Республика Ингушетия

РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО И ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация: в статье затрагиваются проблемы развития процесса социальных преобразований у народов Северного Кавказа, рассматривается система воспитания ребенка в семье, а также воспитательное влияние дошкольных учреждений и школы на детей в первые годы Советской власти.

Ключевые слова: Кавказ, воспитание, дошкольное образование, школьное образование, Советская власть.

В первой половине 1920–х годов стали появляться в северокавказских городах, а чуть позже и в некоторых горских селениях дошкольные учреждения. Организация детских яслей и садов в республиках Северного Кавказа воспринималась, не однозначно.

Представители новой власти проводили большую агитационную работу для популяризации детских дошкольных учреждений, используя для этого доступные средства. Например, партийные организации проводили беседы, устраивали при открытии сезонных яслей в селениях торжественные собрания с выступлением художественной самодеятельности и раздачей детям подарков [7]. В середине 1920–х годов создаются уголки и клубы горянок. Обычно при клубах горянок работало несколько кружков, здесь обучали грамоте, имелась постоянная юридическая консультация. В клубах еженедельно велись политico-просветительные беседы, а в дни революционных праздников и особенно 8 Марта

устраивали вечера с докладами и спектаклями. К концу 1920–х годов в Ингушетии – 9, [12] в Кабардино–Балкарии – 15, Адыгее имелось 5, в Черкесии – 6, в женских клубов [2].

В кружках и клубах, а позднее в бытовых секциях сельсоветов проводилась обширная система мероприятий по культурно–просветительной работе среди женщин. Особое внимание обращалось на санитарное просвещение. С горянками проводили беседы о вреде традиционных религиозно–знахарских способов лечения и помощи при родах, им разъясняли основы гигиены женщины и ухода за ребенком, бытовой санитарии и пищевого режима. Во многих горных районах, в частности в Карачае и Балкарии, где население питалось в основном мучной и молочной пищей и к тому же нередко всухомятку, населению разъясняли необходимость включения в рацион овощей и овощных блюд. В некоторых районах, например, в Чечне, открывали неизвестные здесь ранее женские бани [13]. Вся эта работа постепенно расширялась вместе с расширением сети медико–санитарных учреждений.

Поскольку детей охотней отдавали в те ясли, которыми руководили горянки, во всех областях были созданы краткосрочные курсы дошкольных работников. Не смотря на эти усилие, к концу 1920–х годов сеть дошкольных учреждений была невелика. Например, в 1929 г. в Черкесии имелись одни стационарные и трое сезонных яслей–площадок, [6] в Адыгее – одни стационарные и 17 сезонных яслей [18, с 79].

Система воспитания ребенка в семье в значительной мере оставалась традиционной. Полностью исчезли лишь такие архаичные обычаи, как атальчество и обучение подростков обращению с оружием. Усилилось ничтожное в прошлом влияние школьного обучения, однако охват школьным обучением мальчиков и девочек был неодинаков. Во многих сельских семьях, посыпавших мальчиков в школу, обучение девочек «в русской школе» считали ненужным, а то и вредным делом. Число мальчиков в школах Ингушетии – почти вшестеро превышало количество девочек [14].

К концу 1920–х годов во всех национальных автономиях имелись школы–интернаты второй ступени, но девочек туда определяли редко и, как правило, лишь в тех случаях, когда их можно было поместить у родственников или когда вместе с ними ехал учиться кто–нибудь из мальчиков–родственников постарше.

Детей, посещавших школу, родители часто отрывали от учебы для хозяйственных дел [5]. Беднота нередко забирала подростков из школы, чтобы послать их работать по найму [17, с. 30]. Привлечение детей к различным работам по домашнему хозяйству в нуждающихся семьях, продолжалось, в Ингушетии до начала 90–х годов XX века. Во многих семьях продолжали нуждаться в заработках подростков и, особенно, в их участии в полевых и домашних работах в страдную пору [9].

Постепенно пропагандистское влияние образования, в том числе советского образа жизни, давало свои результаты. Так, в отчете о состоянии народного образования в Северной Осетии за 1928–29 год отмечалось, что школа селения Магометановское «смогла организовать общежитие и питание в школе, победив этим уразу» [10].

Упорное запугивание тем, что учащихся детей не вернут домой, заставят, есть свинину, превратят в «неверных», имело под собой реальную почву. Активная работа велась с детьми из религиозных семей. С начала их приобщали к завтраку со всеми, кто не соблюдал уразу, потом снимали с шеи обереги, а затем убеждали сознательно порывать с религией [1]. Примечательно, что была объявлена пропагандистская война даже обрезанию детей. Заключавшее эти обряды мусульманское обрезание у одних народов (чеченцев, ингушей, балкарцев) еще широко удерживалось, у других (адыгейцы, осетины–мусульмане, а затем черкесы, кабардинцы и карачаевцы) начало выходить из обыкновения» [16]. Агитационная работа была направлена то, чтобы у подрастающего поколения постепенно формировались новые социально–психологические установки и стереотипы, и многое из этого, приносимое из школы в семью, не проходило бесследно для их родителей.

1925–1926 гг. во всех окружных центрах были организованы органы охраны материнства и младенчества, позднее, охраны материнства и детства, а также районные и сельские комиссии содействия этим органам.

Заметные результаты дала профилактика эпидемических заболеваний, прежде всего оспы.

Развернутое строительство социализма сопровождалось созданием значительной сети детских дошкольных учреждений. Организация их по–прежнему сталкивалась с большими трудностями. В одних случаях она тормозилась старыми бытовыми традициями, предполагавшими отдельные школы для девочек и мальчиков, в других – нехваткой кадров дошкольных работников и неблагоустроенностью первых сезонных площадок и стационарных яслей, и садов [21].

В Чечено–Ингушетии в 1934 году областной отдел народного образования докладывал о трудностях в развитии сети сезонных детских площадок в некоторых сельских районах и о заметных успехах по области в целом [15]. Характерно, что к концу 1930–х годов в некоторых национальных автономиях, как, например, в Карачаево–Черкесии, женщины уже не только охотно отдавали детей в существующие учреждения, но и сами добивались открытия новых, хотя бы сезонных детских площадок. Детские учреждения способствовали образованию свободного времени для горянки и оказывали положительное влияние на воспитание детей. Дошкольные работники, многие из которых получали подготовку на специальных курсах, прививали детям культурные навыки советского образа жизни. Именно отсюда проникали в семьи многие новые нормы воспитания детей.

На XVI съезде партии было принято решение о введении в 1930–1931 учебном году всеобщего начального обучения. Разворачивание всеобуча также проходило в борьбе с устаревшими традициями. В эти годы еще были сильны предубеждения против обучения девочек и их пребывания в школе совместно с мальчиками. Но выделяемые средства, для обеспечения детей теплой одеждой, обувью, горячими завтраками и учебными принадлежностями, [11] сыграли положительную роль, в преодолении вековых устоев половозрастной стратификации. Школа и общественные организации в сильнейшей степени способствовали

отходу подрастающего поколения от изживающих себя обычаям и элементов мировоззрения, таких, например, как пережитки сословных предрассудков. Постепенное, тесное общение в классах, на собраниях, в кружках, в спортивных коллективах делало невозможным традиционное разобщение мальчиков и девочек, заставляло их постепенно переосмысливать представления о приличиях. Так, все больше девочек надевали спортивные костюмы, занимались физкультурой вместе с мальчиками, в Северной Осетии уже в 1934 г. отмечались случаи, когда танцующие подростки, вопреки обычаям, держали друг друга за руки [3].

Введение всеобщего начального, а затем и семилетнего обучения усилило воспитательное влияние школы. При школах создавались родительские комитеты содействия, проводились дни «готовности школьной сумки», устраивались конкурсы [3]. Одновременно развертывалась работа по созданию детских и пионерских комнат и домов пионеров, развивалась кружковая работа и художественная самодеятельность. Школьники активно вовлекались в детское общественное движение: так, в Шапсугском округе уже в 1937 г. 95% учащихся соответствующих возрастов было охвачено пионерской организацией [20].

Часто в учебу продолжали только младшие дети, в то время как старшие, окончив начальную школу, помогали родителям содержать семью. Во многих сельских семьях по-прежнему особенно неохотно отпускали в школу второй ступени девочек, тем более что это часто было связано с их отъездом в интернаты. Так, даже в 1940 г. в пяти районах Чечено–Ингушетии в седьмых классах не училась ни одна девочка [19].

Процесс социальных преобразований у народов Северного Кавказа был задержан второй мировой войной и в особенности последствиями фашистской оккупации республик и областей региона, массовой высылкой некоторых народов Кавказа в Казахстан и Среднюю Азию.

В годы войны резко упал материальный уровень жизни семьи; сократилась, а в период оккупации была почти совсем уничтожена сеть культурных и культурно–бытовых учреждений.

Для мужчин коренных народов Кавказа служба в Армии была одним из каналов культурного взаимовлияния, способствовала общему культурному развитию призывников. В годы Великой Отечественной войны солдаты и офицеры из представителей народов Северного Кавказа, как и другие народы СССР, с честью воевали на фронтах войны, проложив, своей кровью нелегкий путь к победе. В защите Кавказа от немецких полчищ участвовало почти все гражданское населения прифронтовых зон, не жалея ни сил, ни времени, ни имущества.

Война не могла не повлечь за собой частичной утраты социальных завоеваний.

Достаточно сказать, что даже через два – три года после освобождения Северного Кавказа много детей здесь из-за тяжелых бытовых условий страдало гипотрофией, рахитом, пневмонией, туберкулезной интоксикацией [8]. С трудом налаживалась работа дошкольных учреждений, для открытия которых среди населения собирали кроватки, постельные принадлежности, посуду и другие предметы хозяйственного обихода, игрушки [4].

Война резко ухудшила демографическую структуру населения, оставила множество вдов, создала диспропорцию полов, затруднила замужества, для одних народов и уничтожила почти половина генофонда других, высланных народов Кавказа. Тяготы войны и первых послевоенных лет ослабили атеистическую позицию власти среди населения, активизировав религиозные настроения масс. Советская власть зачисляла в наследие темного прошлого, с которым необходимо было бороться такие ценности как религия, (особенно ислам), патриархальные семейные отношения, национальные обряды, обычаи, морально – этическую систему регламентации взаимоотношений. Регулятивная культура Кавказа отменилась Советской властью, в пользу нового образа жизни, выстроенной на утопической коммунистической морали, культивировавшей такие безнравственные, с позиции кавказской этики, явления как доносительства, распущенность нравов, беспредельное чиновничье хамство и традиционную для этой касты, коррумпированность.

Беспощадная борьба властей с традиционными нормами и традициями Кавказской культуры, способствовали деградации этнокультурного основания маргинальности зарождающихся нравов, размыванию базовых ценностей в семейном быте народов Северного Кавказа.

Список литературы

1. АИЭ. Материалы Кабардино–Балкарского отряда. 1962. п. к. л. 30. 123. Материалы Чечено–Ингушского отряда. 1963. п. к. ч. 2. л. 65. Материалы Северо–Кавказского отряда. 1969.э п. к. ч. 2. л. 41, 91, 92, 96.
2. Культурное строительство Адыгеи (1922–1937). Сборник документов и материалов. Майкоп: 1958, с. 318; ГА КЧАО, ф. Р–19, оп. 1, Д. 93, л. 173;
3. Сборник руководящих материалов. Адыгейского областного отдела народного образования. 1935. вып. 1. с. 29 и ел. Пролетарий Осетии. 29 декабря 1934 г.
4. ГА А АО. ф. Р–17. оп. 2. д. 19. л. 1.
5. ГА ААО. ф. Р–1. оп. 1. д. 177. л. 138.
6. ГА КЧАО. ф. Р–27. оп. 1. д. 2, л. 53.
7. ЦГА КБАССР, ф. Р–188, оп. 1, д. 33, л. 437; ГА КЧАО, ф. Р–19, оп. 1, Д. 121, л. 68; ЦГА ЧИАССР, ф. Р–264, оп. 1, д. 329, л. 2.
8. ЦГА КБАССР. ф. Р–557. оп. 1. д. 18. л. 10, 11, 23 – 23 об.
9. ЦГА СОАССР. ф. Р–61. оп. 1. д. 31. л. 193.
10. ЦГА СОАССР. ф. Р–124. оп. 1. д. 142. л. 22.
11. ЦГА СОАССР. ф. Р–61. оп. 1. д. 31. л. 192, 193. д. 55,. л. 68. ГА ААО. ф. Р– оп. 1. д. 751. л. 41. Красная Черкесия. 24 апреля 1934 г.
12. ЦГА ЧИАССР, ф. Р–158, оп. 1, д. 774, л. 31; Максидов. Культурное строительство в Кабардино–Балкарии в прошлом и теперь – РГ, 1931, № 9, с. 20.
13. ЦГА ЧИАССР, ф. Р–264, оп. 1, д. 32, л. 94. 4. 5.
14. ЦГА ЧИАССР. ф. Р–145. оп. 1. д. 5. л. 85.
15. ЦГА ЧИАССР. ф. Р–268. оп. 1. д. 268. л. 21, 22.
16. Ошаев Х. Об одном диком пережитке горских народов. РГ. 1931. № 8. с. 59.

17. Шмырев И. Всеобщее начальное обучение в национальных областях (Кабардино–Балкарская АО). РГ. 1930. № 1. с. 30.
18. Хакурате Ш. Адыгэя за 10 лет –РГ, 1932, № 10–11, с. 79.
19. Газета Грозненский рабочий. 19 июля 1940 г.
20. Газета Колхозный путь. 1 января 1938 г.
21. Газета Красная Черкесия. 17 февраля 1934 г. Комсомолец Шапсуги. 17 июля 1936 г. Колхозный путь. 14 апреля 1937 г.